

УДК 94(4)

Кулинич А.А., аспирант, Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского (Россия)

РУКОПИСНАЯ КОПИЯ СТАТЕЙНОГО СПИСКА П.А. ТОЛСТОГО В СОБРАНИИ ПАНИНЫХ – БЛУДОВЫХ

Статья посвящена рассмотрению рукописи № 3170 из фонда Паниных-Блудовых (РГАДА), которая до сих пор мало привлекала внимания исследователей. Рукопись представляет собой копию статейного списка русского посла в Османской империи П.А. Толстого за 1708 - 1710 гг. Статейные списки П.А. Толстого являются одним из важнейших источников по истории русско-турецких отношений в начале 18 века. Подлинник статейного списка 1710 года до настоящего времени в архивах не найден, в связи с этим особую ценность приобретает его неполная рукописная копия. На основе текста рукописи за 1710 год в статье раскрывается характер дипломатической деятельности П.А. Толстого перед русско-турецкой войной. В анализируемом в работе источнике даны сведения о предоставлении русскому послу новой резиденции, о попытке провести тайные переговоры с великим визирем Нуман-пашей, дополнительные детали о подстрекательстве к войне с Россией европейских послов и подстрекательстве самого Толстого к войне с Венецией. Записи статейного списка фиксируют резкий перелом в русско-турецких отношениях с момента назначения великим визирем Балтаджи Мехмед-паши в сентябре 1710 года. Русский посол уже к концу сентября сумел вовремя определить неизбежность разрыва русско-турецкого мира, который произошел 11 ноября 1710 года.

Ключевые слова: статейные списки, русско-турецкая война 1710-1713, П.А. Толстой, Османская империя, Российская империя.

DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-01-73-80

В ходе Северной войны одной из важнейших задач внешней политики Российского государства было предотвращение военного конфликта с Османской империей. Неудивительно, что русско-турецким отношениям начала XVIII в. посвящено множество работ. Наиболее крупные исследования связаны с именами А.Н. Курата, С.Ф. Орешковой, Т. К. Крыловой, Т.А. Базаровой [2, 3, 5, 14].

Основным источником для работ, посвященных русско-турецким отношениям эпохи Петра Первого стали статейные списки первого постоянного посла в Стамбуле Петра Андреевича Толстого, представлявшие собой подробные отчеты о его деятельности в Османской империи.

В XV в. статейные списки фиксировали выполнение статей наказов и инструкций. За 300 лет бытования статейных списков изменились их первоначальная структура и содержание. Текст перестал располагаться по статьям, однако отчеты послов и посланника продолжали сохранять привычное название [2, с. 117]. Несмотря на то, что к началу XVIII в. составление статейных списков постепенно себя изживало, первый постоянный русский посол в Стамбуле П.А. Толстой получил прямое указание вести статейный список. Согласно инструкции, ему надлежало «что у него, посла, в

том посольстве, едучи к Царю-городу и будучи в Царе-городе, и едучи оттуда к Москве, учинится, и то все записать подлинно вправду, и тому всему учинить статейный список, и закрепить ему, послу, своею рукою» [2, с. 123].

Статейный список за 1702-1709 гг. сохранился в РГАДА в фонде 89 (Сношения России с Турцией). Была высказана версия, что отсутствие в архивах статейного списка за 1710 г. связано с его уничтожением во время ареста Толстого в ноябре 1710 г. [5, с. 16]. Однако это не объясняет того факта, почему в фонде 89 также не сохранился статейный список за последние месяцы 1709 г. [7].

Ввиду отсутствия статейного списка за 1710 г. при рассмотрении русско-турецких отношений в канун войны исследователи привлекали переписку послов европейских государств. К настоящему времени уже опубликованы переписка за 1710 г. английского посла Р. Саттона, письма австрийского резидента И. Тальмана, большое число писем французских послов Ш. Фериоля и П. Дезальера [12, 14, 15]. Тем не менее, они не могут в полной мере восполнить утрату документов П. Толстого.

Картину дипломатической борьбы помогает восстановить рукописная копия статейных списков за 1708, 1709 (в том числе за сентябрь-декабрь) и за 1710 г., до сих пор

фактически не привлекавшая внимания исследователей [9]. Рукопись в кожаном переплете объемом в 272 листа на титульном листе озаглавлена «Древних времен переписки посла бывшего в Константинополе к Государю Царю Петру Алексеевичу и другим особам». Сравнение текста рукописи за 1708-1709 гг. с подлинниками статейных списков 1708 – 1709 гг., хранящихся в фонде 89, показывает, что записи представляют собой точные копии оригиналов. На то, что записи в рукописи за 1710 г. - это копии именно с утраченного списка 1710 г., указывает также частое использование выражения: «в сем статейном списке».

Рукопись сохранилась в РГАДА в архивном фонде 1274 – фонде документов семей Паниных - Блудовых. В этом же архивном фонде находятся еще две рукописи, относящиеся к деятельности Толстого в Стамбуле:

1. Рукописный список «Описания Понта Эвксинского», который был опубликован в 2006 г. [8]. Рукопись переписана аккуратным почерком второй половины XVIII в., почти без исправлений и зачеркиваний. Бумага русская, на основе филиграней датирована И.В. Зайцевым 50-60 ми гг. 18 века [11, с. 59].

2. «Книга записная» Толстого. В рукописи находятся фрагменты статейного списка за 1702, 1704 и др. гг. [10].

Предполагаем, что все три рукописи имеют общую историю происхождения, и составление этих рукописных копий было проведено для одного заказчика. Таковым заказчиком в семье Паниных, имевшим доступ к документам Посольского приказа, был Никита Иванович Панин. С 1762 г. он фактически руководил внешней политикой страны и заведовал всеми делами Коллегии иностранных дел. Событием, вызвавшим потребность в копиях, по-видимому, была русско-турецкая война 1768 – 1774 гг.

Существование копии статейного списка за 1708 - 1710 гг. опровергает версию, что статейный список 1710 г. был уничтожен в Стамбуле во время ареста Толстого. Можно предположить, что утрата самого статейного списка 1710 года вместе с частью статейного списка 1709 г. произошла не ранее второй половины XVIII в. и в России, а не в Турции.

Статьейные списки Толстого представ-

ляли собой поденные записи. В первую очередь в список заносились тексты писем, полученных и отправленных послом, записи с содержанием переговоров, проводимых Толстым в Стамбуле с турецкими чиновниками, а также тексты донесений агентов русского посла. Помимо этого, в качестве приложений добавлялись копии различных документов: реляций, доношений и пр.

Т.К. Крылова в статье, посвященной анализу статейных списков, установила, что запись статейного списка происходила в месте пребывания посла [4, с. 179]. Ввиду этого, а также учитывая, что записи в статейный список делались практически ежедневно, и целью списка было «дать подлинно вправду», обнаруженную копию статейного списка можно считать одним из наиболее достоверных и полных источников информации по русско-турецким отношениям в начале XVIII в.

В рукописи находятся записи за месяцы: февраль – июль (лл. 181 - 244 об.), далее идут записи за октябрь (лл. 245 - 268 об.), после них за 19-25 сентября (лл. 269 - 272 об.). Самая ранняя запись – от 2 февраля, последняя по времени запись – от 26 октября.

Ключевыми взаимосвязанными проблемами в русско-турецких отношениях в 1710 г. были проблемы сохранения мира и выдворения Карла XII из турецких земель. В целом, согласно записям статейного списка, после заключения мирного договора в январе 1710 г. в русско-турецких отношениях наступил период относительного спокойствия. 1 апреля Толстой писал Головкину о том, что «двор оттоманской утвержден в прежнем намерении еже имети любовь с царским величеством ненарушимо» [9, л. 202 об.]. Во многом это было связано с позицией великого визиря Чорлулу Али-паши.

При подтверждении мирного договора было решено отправить шведского короля лишь с его людьми, т.е. со шведами, без казаков-мазепинцев, в сопровождении турецкого отряда в 500 человек, которому поручалось передать Карла XII на польской границе русскому отряду [5, с. 70]. Карл XII был крайне недоволен столь малым конвоем и выдвигал все более и более завышенные требования. Благодаря своим агентам Толстой хорошо знал положение в лагере шведского короля и о

его серьезных разногласиях с великим визирем Чорлулу Али-пашей. Интриги шведского короля способствовали тому, что Али-паша был смещен с должности 4 июня 1710 г., и новым визирем стал Кёпрюлю Нуман-паша.

Уровень русско-турецких отношений к началу правления визиря Нуман-Паши в целом был известен благодаря сохранившимся письмам Толстого от 13 мая и 17 июня. На основании донесений посла в Москве ожидали агрессивных действий в отношении Речи Посполитой. В соответствии с этим русским правительством был принят ряд мер военного и дипломатического характера [6, с. 667]. Петр Первый 17 июля 1710 г. отправил грамоту султану, оставшуюся без ответа, с согласием о проезде Карла «через всю Польшу до Померании или до Шлезии или до Венгер» с турецким конвоем в размере до 3000 человек [6, с. 233 - 236].

С приходом к власти Нуман-Паши связывают ухудшение отношений с Россией. Подтверждением этому находили в словах французского посла барона Фериоля, который утверждал, что Нуман-Паша действует в интересах Франции. В статейном списке Толстой опровергает заявления Фериоля, называя их в письме к А.А. Матвееву «великой ложью» [9, л. 260].

Одним из примеров доброжелательного отношения турецкого правительства к русскому послу было разрешение Нуман-Паши на переезд в новую резиденцию. До сего времени предполагалось, что до объявления Портой войны русская дипломатическая миссия более резиденции не меняла, а проживала близ городских стен [2, с. 81]. В то же время все остальные послы проживали в районе Галата, в европейской части Стамбула. Однако записи статейного списка 1710 г. говорят, что переезд в Галату с предоставлением новой резиденции все-таки состоялся. Радостное для Петра Андреевича событие произошло в конце июня – начале июля [9, л. 230 об.]. Проживание в Галате, с одной стороны, стало шагом к уравниванию статуса русского посла с другими послами. С другой стороны, жизнь в Галате позволяла Толстому вести более активные и частые разговоры с европейскими жителями и гостями Стамбула.

Более того, статейный список сообщает

о попытке Толстого провести тайные переговоры с великим визирем Нуман-пашей. 10 июля к послу приходил доктор Мушюдук, который дважды в неделю бывал у визиря. Используя его как посредника, Толстой указал ему передать визирю предложение о ночной встречи. На следующий день к послу прибыл пристав Асан Ага и передал, что визирю «то угодно», но принять у себя отказался: «в визирском де доме множество людей бывает всегда, а когда де о том прослышится и то де будет многим подозрительно». Визирь предложил встретиться в доме реиз-эфенди и просил, чтоб Толстой был со своим переводчиком, т.к. переводчик Порты слишком молод, чтобы доверять ему «великие секреты» [9, л. 235 об.].

Последующие листы с записями статейного списка вплоть до увольнения Нуман-паши в сентябре, отсутствуют. Состоялись ли тайные переговоры Нуман-паши с Толстым, и каково могло быть их содержание, остается неизвестным. В любом случае, результата они не имели, так как Нуман-паша был уволен уже на 63 день своего правления.

Деятельность послов ведущих европейских держав в Османской империи в 1710 году детально разобрана в монографии С.Ф. Орешковой, в которой она показала их общее стремление к разрыву русско-турецкого мира [5, с. 190]. Статейный список Толстого дает дополнительные сведения об интригах европейских послов. Ключевую роль в содействии шведам оказывали французские представители. В переписке с Толстым посол в Нидерландах А.А. Матвеев весьма метко и образно охарактеризовал действия посла Франции маркиза Дезальера: «С виду друзья, а з другой стороны при Порте молотами обивают головы наши из всей души своей» [9, л. 253]. Австрийский резидент Иоганн Тальман сообщал туркам об имперских притязаниях Петра Первого, распространяя слухи, якобы царевич Алексей в Вене жену берет цесарскую. Провокации Тальмана вызвали подозрение, что и он подкуплен французами [9, л. 240].

Английское правительство действовало тоньше, открыто не вступая за русско-турецкую войну. В связи с этим мнения историков о позиции Англии разделились. Косвенно подтверждает версию о том, что Англия тайно содействовала разрыву мира, упоминание в рукописи о поездке генерала Ламберта

в Османскую империю. Посол Матвеев от своих агентов весной 1710 г. узнал, что генерал-инженер Ламберт поехал из Лондона в турецкие земли ссорить с Россией и говорить всем, что он якобы слышал от царя хулу на турок и предложит услугу: тайно сжечь может корабли в Азове и на Воронеже [9, л. 217]. О результатах деятельности Ламберта в копии статейного списка не сказано.

Общение с послами, и с рядовыми европейцами в Стамбуле проходило в атмосфере постоянного недоверия и подозрения. Как пояснял Толстой, «не можем верити никому иноверным ибо преуспения нашего все имоверныя ненавидят» [9, л. 204].

Вместе с тем, методы Толстого не слишком отличались от методов иных послов. Будучи в достаточно доверительных отношениях с венецианцами, тем не менее, летом 1710 г. посол провоцировал турок на войну с Венецией.

В ходе своих переговоров с реиз-эфенди - должность примерно соответствовала должности министра иностранных дел в европейских странах, но с меньшими полномочиями - Толстой внушал ему идею войны с Венецией, отмечая, что эта война для Турции «будет с великим пожитком и великою славою». В свою очередь, Толстой в случае объявления о разрыве мира с венецианцами обещал, что «царское величество повелит ему послу с Портою учинить нейтральство» [9, л. 236 об.].

У турок действительно были серьезные причины объявить войну Венеции. Потеря турками в прошлой войне Мореи, 300 лет до этого находившейся во власти турок, воспринималось ими особенно болезненно. Морея стала наиболее близкой к столице Османской империи вражеской территорией, ранее приносившей значительный доход в казну. Война с Венецией могла прельщать турецкое правительство и тем, что в военном отношении венецианцы были наиболее слабым звеном бывшей Священной Лиги. При всем этом попытки Толстого внушить туркам идею войны с Венецией не имели шансов на успех, так как в отличие от шведского короля Карла 12 он не мог предложить военный союз России и Османской империи.

По донесениям иностранных послов складывается впечатление, что период сен-

тября - октября 1710 г. был временем относительного затишья и спада напряженности. В письме от 20 сентября 1710 г. Саттон писал в Лондон, что «нет ни малейшего вида о разрыве с поляками и Московией» [15, р. 21]. В письме от 28 октября 1710 г. Тальман выражал уверенность, что «Порта считает необходимым для соблюдения приличий не идти на разрыв отношений с соседями» [12, с. 73.].

Сохранившиеся в копии статейного списка письма Петра Андреевича за сентябрь-октябрь 1710 г. противоречат данным европейских резидентов. И наоборот, свидетельствуют, что резкий перелом во внешней политике Османской империи связан с личностью и убеждениями нового визиря Балтаджи Мехмед-паши. Балтаджи был наиболее враждебным по отношению к России и лично к Толстому в отличие от иных визирей. Его предыдущее правление в 1704-1706 гг. в качестве великого визиря ознаменовалось угрозами Толстому лишить его жизни, и русский посол некоторое время был заперт на своем посольском дворе. Однако до войны с Россией в 1704-1705 гг. дело не дошло. Спасли от войны в прошлое правление Балтаджи не только и не столько действия Толстого, сколько отсутствие в казне необходимого количества средств.

В своем донесении канцлеру Г.И. Головкину от 20 сентября Толстой подчеркивал, что «до приезде сего нового везиря не имела порта намерения чинить противности к стороне царского величества и когда сей везирь сюда приехал начал все чинить по своему изволению как ему понравилось и того ради всегда в стороне царского величества подбавляет иметися осторожности» [9, л. 270 об.]. Толстой хорошо осознавал, что ему будет уготовано новым визирем, и в письме Шафирову 20 сентября предсказал свои будущие лишения: «А я на всяк день ожидаю что меня запрут на моем дворе или учинят и тяжелейше ... ибо сей везирь мегмет паша хотя и добронравен обаче безразсуден, и что ему понравится чинит скоро без разсмотрения» [9, л. 271 об.].

Балтаджи Мехмед-паша с момента своего приезда 15 сентября в Стамбул открыто показывал, что дело идет к явному разрыву мира с Россией. После своего назначения новый великий визирь традиционно принимал

иностранных послов. В этот раз Балтаджи принял всех послов, исключая Толстого. Тальман сообщал в Вену, что всему виной личное нежелание Толстого: «Московский посол из-за спора о преимущественном праве с французским послом более ни разу, невзирая на столь критическое положение, не пожелал получить аудиенции у великого визиря...» [12, с. 85]. Слова Тальмана были ложью. В письме 1 октября Толстой сокрушался, что «везирь новой Мегмет паша ни малых ко мне склонности не показывает ни же хочет со мною свидетися и принять грамоты царского величества которые имею» [9, л. 245]. Толстой довольно отчетливо понимал, что объявление войны – вопрос времени. В письме Головкину от 1 октября он еще раз резюмировал, что «настоящей везирь конечно склонен к разорванию мира с нами» [9, л. 245 об.].

Было бы преувеличением называть нового визиря сторонником Франции или тем более ярким сторонником Карла XII. Балтаджи Мехмед-паша, судя по его прошлому правлению, был сторонником антироссийских действий задолго до приезда шведского короля в Бендеры и активных интриг европейской дипломатии. Для Балтаджи Мехмед-паши Карл скорее был «ситуативным союзником» в деле склонения султана к войне. Несмотря на склонность визиря к разрыву мира, принять решение о войне мог только султан. Интересы Балтаджи, Карла XII и крымского хана сошлись в одном направлении.

Тем временем фиксирувавшиеся в статейном списке события сентября-октября 1710 г. явственно показывали, что Порта нацелилась на войну с Россией. Во-первых, был смещен янычар ага - глава янычар - один из важнейших руководителей османской армии. Во-вторых, в крепости северного Причерноморья были отправлены многочисленные припасы, пушки, бомбы, ядра. В - третьих, в Стамбул были вызваны крымский хан и Юсуп-паша, бендерский сераскер.

Итак, кажущийся спад напряженности в русско-турецких отношениях в период сентября-октября 1710 года был вызван попыткой усыпить бдительность в условиях, когда решение о войне уже принято. В отличие от своих европейских коллег, Толстой не доверял заверениям Балтаджи о мире: «оба же я оными ево словами не могу уверитися...» [9,

л. 245 об.]. Толстой хорошо знал нового визиря и уже в середине сентября дал верный прогноз о неизбежности войны: «А ныне доношу чтобы рати царского величества приступили к самым границам понеже турки хотя и подлинно намерены будут с ними начав войну но ныне того учинить не могут и будут продолжать до весны» [9, лл. 269 об. – 270]. Таким образом, Толстой выполнил успешно одну из своих задач – своевременно предупредил о неизбежном разрыве мирных отношений с турками. Другое дело, что ни одно из этих писем не дошло вовремя до русского правительства.

Осознавая, что турки решительно настроены к войне с Россией, Толстой понимал, что методы подкупа и переговоров уже бесполезны и сам перешел к резким и даже жестким мерам.

Летом-осенью 1710 г. первую скрипку в партии соблазнения турок стал играть киевский воевода Юзеф Потоцкий. 19 сентября получил русский посол ведомость от переводчика французов Доминика Форнеты о том, что воевода киевский был у визиря, и «обещал всю Польшу в подданство туркам и что будут платить трибут повсегодно по четыре миллиона золотых червонных» [9, л. 269].

Видя опасность речей Потоцкого, Толстой решился на отравление киевского воеводы. В.А. Артамонов в своем исследовании привел письмо русского эмиссара в Венеции М. Каретты к Петру I из Вены 14 апреля 1713 г., доказывающее попытку отравления. В письме Каретта проясняет причину провала и раскрытия тайной операции: «Господин Толстой дал мне комиссию... о Потоцком... и вашему величеству тогда о той донесено. И она не успела по намерению вашего величества, потому что оной Потоцкой имел верного слугу, которой его пожалел» [1, с. 165].

Статейный список сообщает немного об истории с отравлением. В письме Матвееву 11 октября 1710 г. посол говорил о Потоцком, которого «якобы я намерен оного отравою умертвити и лукавно сплетенные к тому некоторые показал знаки оба же правда...» [9, л. 260 об.]. Письмо после этих слов обрывается и далее в рукописи идет содержание другого письма, а именно, сообщение Толстого о срочном отъезде в Россию доктора Паликалы с женой «наипаче чтобы секреты наши не

были явны того ради ныне его отпустил» [9, л. 261]. Георгий Паликала был личным врачом русского посла, имел свою аптеку в Стамбуле [13, с. 142]. В России, куда он перебрался, он был наиболее известен в связи с ходившими слухами о его участии в отравлении Марии Кантемир. Поспешное бегство доктора, обладающего некими секретами, сразу после обвинений в отравлении Потоцкого дает почву для подозрений в его участии в отравлении киевского воеводы. Попытка отравления столь высокопоставленного гостя в столице Империи не могла не вызвать гнев турецких чиновников и еще больше убеждала их в агрессии Российского государства.

Иерусалимский патриарх, будучи одним из главных информаторов Толстого, не одобрял перехода Толстого к резким действиям, опасаясь, что это приведет к войне. В связи с продажей российских невольников, которых открыто водили по домам, Толстой подготовил мемориал – резкую отповедь действиям Порты. В рукописной копии статейного списка содержится письмо патриарха с советом не подавать доношения: «Ежели ваша честность имеет намерение чтоб возжечь смущение и явную вражду, то да подает, а ежели имеет намерение, чтоб еще продолжать время то да не подает» [9, л. 247].

Таким образом, статейный список иллюстрирует значительные изменения в характере дипломатической деятельности Толстого, который к осени 1710 года перешел к тактике жестких решительных действий.

Демонстрируя явную враждебность к Российскому государству, турецкие власти приказывали задерживать людей с российской дипломатической почтой. С целью сохранения сведений в секрете, все письма Толстого к канцлеру Г.И. Головкину были зашифрованы. Шифр, который использовал Толстой, был традиционным для того времени. Для понимания такого шифра не требовалось много времени и знания ключа. В итоге, письма Толстого были турками успешно расшифрованы, что подтверждается письмом Ионакия Маврокордата русским послам в 1711 г.: «объявляя, будто прежняя цыфирь наша, с послом бывшая, розбрана у них» [2, с. 210].

Одним из таких писем, которое не дошло до Посольской канцелярии, но обнаружено в копии статейного списка 1710 года,

было письмо от 20 сентября. В нем Толстой предложил отправить письма к бендерскому серасктеру Юсуп-паше с угрозой вторжения русской армии в Валахию и Молдавию, причем выраженной в откровенно издевательской форме: «Чтобы он дал квартиры ратем царского величества в волоской и мутьянской землях яко приятельским и что они никаких обид подданым султанского величества не учинят... подобает дать квартиры и ратем царского величества не для чего иного токмо для лутчего содержания мирных договоров» [9, л. 270]. Логика Толстого была такова: «и когда сие услышат турки авось либо убоятся, понеже ныне к войне не готовы и могут рассудить, что желая себе получить в подданство Польшу, скорейше потеряют сия провинции мутьянскую и волоскую и прочие, понеже рати царского величества во оные провинции вступить могут скоро, и трудно будет туркам выбивать их вон, и тогда, мнится мне, короля шведского вышлют из своей области безвременно» [9, л. 270 – 270 об.].

Ни разу в предыдущие кризисные моменты русско-турецких отношений, Толстой не предлагал явно угрожать туркам вторжением в их владения. Попад к туркам, письмо с угрозой вторжения русской армии в Валахию и Молдавию могло выглядеть как наглядное документальное доказательство агрессивных планов России. Шведские дипломатические представители в Турции и особенно генерал Понятовский с момента приезда в 1709 г. распространяли в султанском окружении слухи о том, что для Турции существует угроза русского нападения [5, с. 77 - 78]. Имея на руках расшифровки писем Толстого, легче было поверить в любую антироссийскую пропаганду, распространяемую шведами и французами.

9 ноября 1710 г. после долгих ночных совещаний, султан Ахмед III принял решение объявить войну России, о чем было официально объявлено 11 числа после получения фетвы (указа) от муфтия. Уже через несколько дней Толстой был схвачен и доставлен в тюрьму Семибашенного замка.

Почему война была объявлена раньше, несмотря на то, что османское войско могло быть готово к походу только весной? 14 ноября Толстой сумел отправить письмо Матвееву, в котором назвал виновниками разрыва

мира французского посла Дезальера и крымского хана Девлет-Гирея [5, с. 82].

Если оценивать всю переписку Толстого в совокупности с данными других источников, то можно разделить процесс принятия решений на два этапа. Общее решение о войне с Россией, что являлось обычным делом для планирования любой войны, как в то время, так и позднее, было принято задолго до официального объявления, в сентябре 1710 г. после прихода к власти Балтаджи Мехмед-паши. И, как предполагал Толстой, срок начала войны был назначен на весну 1711 г. А уже итоговое объявление о войне, с переносом сроков на начало ноября связано с приездом крымского хана Девлет-Гирея и действиями нового французского посла Дезальера. Конечно, причины войны с Россией не сводятся только к действиям Балтаджи

Мехмед-паши, Девлет-Гирея и европейцев. Полноценное рассмотрение комплекса причин объявления войны с Россией требует отдельного исследования, для которого копия статейного списка Толстого будет одним из важнейших источников.

Таким образом, рукописная копия статейного списка из собрания Паниных – Блудовых предстает уникальным источником о жизни и деятельности русского посла в Стамбуле П.А. Толстого в 1710 году. Записи рукописи сообщают множество сведений о событиях, которые неизвестны по другим источникам. Активное использование статейного списка за 1710 год, пусть и в виде фрагментированной копии, позволит значительно дополнить известную картину дипломатической борьбы в Стамбуле начала XVIII в.

Список литературы

1. Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709-1714). М.: Наука, 1990. 208 с.
2. Базарова Т. А. Русские дипломаты при османском дворе: Статьиные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. (Исследование и тексты). СПб.: Историческая иллюстрация, 2016. 864 с.
3. Крылова Т. К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. М., 1941. Т. 10. С. 250 – 279.
4. Крылова Т. К. Статьиные списки петровских дипломатов. (1700—1714 гг.). // Проблемы источниковедения. М., 1961. Т. 9. С. 163—181.
5. Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII века. М.: Наука, 1971. 205 с.
6. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Том 10. (1710 г.). 875 с.
7. РГАДА. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1709 год. Д. 1. Статьиный список Ближнего Стольника Петра Толстого.
8. РГАДА. Ф. 1274. Панины и Блудовы. Оп.1. Д. 3077. Записки русского посла в Константинополе П.А. Толстого о Черном Море.
9. РГАДА. Ф. 1274. Панины и Блудовы. Оп.1. Д. 3170. Переписка русского посла в Константинополе П.А. Толстого
10. РГАДА. Ф. 1274. Панины и Блудовы. Оп.1. Д. 3171. Книга записная всяким ведомостям графа П.А. Толстого.
11. Толстой П.А. Описание Чёрного моря, Эгейского архипелага и османского флота. М.: Наталис, 2006. 302 с.
12. Турция накануне и после полтавской битвы. (Глазами австрийского дипломата М. Тальмана). М.: Наука, 1977. 104 с.
13. Ястребов А.О. Петр Толстой и папа Климент XI. Первый русский посол в Константинополе и его связи с католической церковью. // Церковь и время. 2018. №4. С. 129 – 149.
14. Kurat A. N. Prut seferi ve barisi 1123(1711). Ankara, 1951-1953. Vol.1-2. 888 s.
15. Sutton R. The despatches of sir Robert Sutton, ambassador in Constantinople (1710-1714), ed. by A.-N.Kurat. London, 1953. 220 p.

**HANDWRITTEN COPY OF P.A. TOLSTOY'S "STATEINYI SPISOK"
FROM THE ARCHIVAL FUND PANINY – BLUDOVY.**

The article is devoted to the study of the manuscript № 3170 from the fund 1274. Paniny-Bludovy (RGADA). The manuscript is a copy of the report («stateinyi spisok») of the Russian ambassador in the Ottoman Empire, P.A. Tolstoy for the years 1708-1710. «Stateinyi spisok» is one of the most important sources for the history of Russian-Turkish relations in the early 18th century. The original «Stateinyi spisok» for the 1710 year has not been found in the archives. Therefore, an incomplete handwritten copy has a special historical value. The article reveals the nature of the diplomatic activity of P.A. Tolstoy before the Russian-Turkish war, based on the text of this manuscript. The records fix a sharp change in the Russian-Turkish relations since the appointment of Baltaji Mehmed Pasha as the Grand Vizier in September 1710. By the end of September, the Russian ambassador was able to determine in time the inevitability of the Russian-Turkish war, which began on November 9, 1710.

Keywords: stateinye spiski, the Russo-Turkish War of 1710-1713, P.A. Tolstoy, Ottoman empire, Russian empire.

References

1. Artamonov, V.A. (1990). Rossiya i Rech' Pospolitaya posle Poltavskoi pobedy (1709-1714) [Russia and the Polish–Lithuanian Commonwealth after the Poltava victory]. Moskva: Nauka.
2. Bazarova, T.A. (2016). Russkie diplomaty pri osmanskom dvore: Stateinye spiski P. P. Shafirova i M. B. Sheremeteva 1711 i 1712 gg. (Issledovanie i teksty) [Russian Diplomats at the Ottoman Court]. SPb.: Istoricheskaya illyustratsiya.
3. Krylova, T. K. (1941). Russko-turetskie otnosheniya vo vremya Severnoi voiny [Russian-Turkish relations during the Northern War] // *Istoricheskie zapiski* [Historical notes], 10, 250 – 279.
4. Krylova, T. K. (1961). Stateinye spiski petrovskikh diplomatov. (1700—1714 gg.) [“Stateinye spiski” of the Russian ambassadors]. // *Problemy istochnikovedeniia* [Problems of source study], 9, 163 – 181.
5. Oreshkova, S.F. (1971). Russko-turetskie otnosheniya v nachale XVIII veka. Moskva: Nauka, 1971. [Russian-Turkish relations at the beginning of the 18th century].
6. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. Tom 10. (1710 g.). [The Letters and Papers of Emperor Peter the Great]. Moskva: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.
7. RGADA. F. 89. Snosheniya Rossii s Turtsiei. Op. 1. 1709 god. D. 1. Stateinyi spisok Blizhnego Stol'nika Petra Tolstogo.
8. RGADA. F. 1274. Paniny i Bludovy. Op.1. D. 3077. Zapiski russkogo posla v Konstantinopole P.A. Tolstogo o Chernom More.
9. RGADA. F. 1274. Paniny i Bludovy. Op.1. D. 3170. Perepiska russkogo posla v Konstantinopole Tolstogo P.A.
10. RGADA. F. 1274. Paniny i Bludovy. Op.1. D. 3171. Kniga zapisnaya vsyakim vedomostyam grafa P.A. Tolstogo.
11. Tolstoy, P.A. (2006). Opisanie Chernogo morya, Egeiskogo arhipelaga i osmanskogo flota [Description of the Black Sea, the Aegean archipelago and the Ottoman fleet]. Moskva: Natalis.
12. Oreshkova, S.F. (1977). (ed.). Turtsiya nakanune i posle poltavskoi bitvy. (Glazami avstriiskogo diplomata M. Tal'mana) [Turkey on the eve and after the battle of Poltava]. Moskva: Nauka.
13. Yastrebov, A.O. (2018). Petr Tolstoy i papa Kliment XI. Pervyi russkii posol v Konstantinopole i ego svyazi s katolicheskoi tserkov'iu. [Peter Tolstoy and pope Clement XI]. // *Tserkov' i vremia* [Church and time], 4, 129 – 149.
14. Kurat, A.N. (1951-1953). Prut seferi ve barisi 1123(1711). Ankara.
15. Sutton, R. (1953). The despatches of sir Robert Sutton, ambassador in Constantinople (1710-1714). London.

Об авторе

Кулинич Александр Александрович – аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: al_kulinich89@mail.ru

Kulinich Alexander Alexandrovich – postgraduate student, Bryansk State University named after I.G. Petrovskii (Russia), E-mail: al_kulinich89@mail.ru